

Б. В. ДЮШЕН

Изгнание интеллигентов

Остракизм¹ применялся в древнем мире. «Старый мир» так же прибегал к изгнанию «нежелательных элементов», по пользовался этим орудием осторожно, предпочитая гласности изгнания за границу пустынные тундры севера, откуда три года скачи — все равно покуда не доскачешь — или молчаливые тюремные стоны и все менее молчаливых тюремщиков.

Но то, что ныне происходит в Россия, принадлежит к разряду истинно исключительных новых социальных явлений.

Десятки людей, среди которых не малое число обладает крупными именами в искусство, литературе, науке и философии, подвергнуты остракизму и выброшены бурными реалиями Российской революции в среду почти миллионной эмиграции, сложившейся самоходом, самоуходом, бегством.

В отличие от старых эмигрантов, новые совсем не хотели уходить и покинули это-честно лишь вынужденные к тому суровой рукой государственной власти.

Явление, развертывающееся перед нами, настолько значительно само по себе, что как ин трудна и болезненна попытка в нем разобраться она должна быть сделала.

Тем более, что со стороны самих эмигрантов и изгнанников в этом отношении не сделано никакой попытки, а ведь «передовую» часть эмигрантщины чем, а скромностью попрекнуть нельзя. По самому пустому поводу она готова пролить океаны своей идеологии. разболтать все свои наимудрейшие секреты, перемыть публично и свое, а заодно и чужое грязное белье.

А тут из ряда, вон выходящий случай, да что случай, почти обычай, выпирать за границу «представителей» русской интеллигенции —

и ничего, даже нет обычных воплей, биения себя в перси, раздирания одежд, и призывание громов и молний на «варварскую безумную власть красных насильников».

Это второе обстоятельство, внезапная немота заинтересованных лиц, также нуждается в внимательном анализе.

Прежде всего попытаемся установить объективные факты. Из «страны ужасов», из царства «Хамов», из «вымирающих городов», там все задушено (читателю предоставляется право вставить здесь все известные ему виды свобод, личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ званий, чинов, титулов, орденов и т. д.), от «буржук» в холодных квартирах, от голода и суровой борьбы за кусок насущного хлеба, изгнанники перемещаются в культурную Европу, где «цивилизация» и «просвещенность», «демократия», а стихия революции пребывает за прочными решетками, лишь изредка издали напоминая о своем существовании звуками потрясаемых оков.

Не правда — ли, что это почти исполнение мечтаний, столько раз высказанных за последние годы — «хоть бы они нас выпустили». При этом неукоснительно добавлялось, что мол, открой только «они» двери, и все сразу скопом убегут и опустеет Россия. Однако, вот уже больше года, как двери фактически, если не открыты, то очень сильно приоткрыты, и уйти совсем по мудрено. Однако массового оттока что-то совсем не наблюдается. скорее обратное — десятки тысяч беженцев движутся в Россию, и лишь сотни и единицы, по большей части спекулянтов и вдруг нажившихся нэпманов, припадают к вождельным плитам всех светских курфюрстендамов².

Гораздо важнее понять, почему советская власть нашла себя вынужденной заметную часть старой русской интеллигенция отправить за границу; снабдив их за счет пролетарской казны «прогонными» в буквальном смысле слова, деньгами³.

В самой России этот вопрос страстно дебатировался и дебатруется. Противники высылки нашлись прежде всего в коммунистических кругах. Как, говорят они, «пустить щуку в море», выпустить за границу целую армию талантливых агитаторов, настроенных непримиримо к советизму революции, дать им возможность организовать и организовать «общественное мнение», газеты и т. д., да ведь это неслыханно, нелепо, недопустимо.

На первый взгляд в этих рассуждениях найдешь не мало резонных, да недолгая практика как будто их подтверждает. Первоочередные изгнанники (и здесь уже установилась своя иерархия), немедля, от единичных выступлений перешли к организованной кусковизации⁴ эмигрантщины, откупили эсеровский «Голос России»⁵ провозгласи-

ли необходимость объединения эмигрантских сил ради достижения власти в России, и послушно начали идти по торной дорожке, протоптанной уже их предшественниками, старательно, хотя и не произвольно, выделявая в то же фигуры эмигрантской кадрили.

Шаг вперед, шаг назад, реверанс Милюкову реверанс Гессену⁶, и в вспомогательной фигуры легонькие авансы... блюстителям⁷. Танец, конечно, совершенно безобидный и такой же безрезультатный, как толчение воды в ступе никакого выхода из замкнутого круга эмигрантского болотца в нем, не намечается.

Круги⁸ склонны этот танц-парад некоторые склонны переоценивать и придавать ему известное значение. Само собою понятно, что при этом оппозиция против высылки, оппозиция для возможных будущих изгнанников весьма угрожающая, усиливается.

Изгнание тяжкая кара. Как ни заманчиво пожить в свободных Европах, однако ведь каждому попятно, что жизнь на чужбине тоже не радость. Сегодня у изгнанников еще есть кое какие крохи, сегодня им еще устраивают торжественные встречи на вокзалах, пышные банкеты, матерые эмигранты зазывают в свои кружки, неведомые «добрые дяди» отпускают кое какие гроши, то ли в долларах, то ли в чешских кронах — а завтра что?

А завтра, «старые» и «новые» перегрызутся, на то они и русские интеллигенты, рука дающего оскудеет, а взаимопомощь и самопомощь эмигрантской интеллигенции всем хорошо известна: сотни бедняков, и не каких-нибудь, живут по общежитиям, лагерям, трущобам и набивают папиросы...

Изгнание кара тяжелая. Но раз зашла речь о каре, должна быть выяснена и вина. За что такое гонение? В чем преступление всех этих людей, столь разнородных но общественному положению и лишь изгнанием объединённых в своеобразный «профессиональный союз» с президиумом и всем прочим.

Не будем искать ответа у изгнанников они себя виновными ни в чем не признают. Послушать их, так они были ли. едва не самими лояльными гражданами росефесерки⁹, скромными тружениками на ниве народной, а потерпели «за правду».

Что же говорит о преступлениях, высылаемых сама советская власть? Ведь и то правда, что никто не должен оправдываться, доколе к нему не предъявлено определенного обвинения.

Материалы, которыми мы располагаем. этому вопросу скудны: речь Зиновьева¹⁰, речь Троцкого¹¹, в которых больше психологических, чем фактических справок, и которые конечно не суть обвинительные акты в полном смысле слова.

Несколько статей в советских газетах, также имеющих главным образом агитационный характер — вот почти все переданное гласности.

Возможно, и даже несомненно, что в недрах Г. П. У. и собраны какие-нибудь материалы большего актуального характера, но о них нам ничего не известно, и судить о них, видимо придется только будущим историкам. Резюмируя известные данные получим приблизительную формулировку поводов и причин, на основании которых предпринята массовая высылка интеллигентов. Суть их в основных чертах заключается в следующем:

Некоторые интеллигентские круги не хотели и не могли принять Октябрьскую революцию со всеми из нее вытекающими социальными последствиями. В эпоху военного коммунизма они удалились в своеобразную «внутреннюю эмиграцию» и по мере сил саботировали развитие революционного процесса. Изменение режима с переходом к новой экономической политике вызвало возрастание влияния мелко буржуазной стихии, дало возможность активного проявления враждебным революции политическим тенденциям. Эти тенденции нашли свое отражение в целом ряде интеллигентских организаций и изданий политического, экономического, научного и чисто художественного характера.

Диктатура пролетариата, производя отступление из области утопического в область необходимости оказалась вынужденной плотно сомкнуть и укрепить линию политических завоеваний революции.

При этом она натолкнулась на противодействие организовавшихся интеллигентских групп, переоценивших свое значение и возможности. Эти группы самым фактом своего существования стояли на пути государственной власти, оказывая ей пассивное сопротивление, образуя оппозицию ради оппозиции, морально препятствуя осуществлению ряда мероприятий текущей внутренней политики.

Не являясь открыто заговорщицкими или явно преступными, эти группы, по словам Троцкого, могли таковыми стать при первом намеке на возможность политических изменений, и потому, не будучи социально значительными или опасными, могли вызвать со стороны советской власти необходимость террористических репрессий. Признавая применение к этим кругам террора нежелательным, советская власть, в виде предупредительной, профилактической меры, решила устранить из республики «нежелательные элементы».

Только и всего? Да, только и всего. Это не обвинительный материал и в нем не названо ни одного «преступления». Конечно, у революции свои законы, суровые и чуждые обычным нормам, но все же аргу-

ментация политическими предчувствиями как будто недостаточна. Добряк Троцкий в роли попечительного дядюшки, высылающего за границу баловника племянника, чтобы не наказывать его за возможные в будущем шалости, — это что-то совершенно новое и несовместимое с суровым обликом красного главоверха.

Тут должно быть что-то иное. Но что?

Перед этим вопросом долго бы стояли мы, зарубежные друзья революции и советской России, в горестном раздумье.

Ведь психологические возможности и тонкости может быть понятны там, в России, но здесь до поры до времени они остаются пустым звуком.

Здесь нужны факты и дела, точные формулировки, отсутствие которых в таком большом и важном вопросе ранит сердце и связывает руки.

Ведь каждый ложный шаг и акт суровости революции требует здесь, за границей, вдали от грохота революционного строительства, холодных и точных объяснений, с точки зрения их действительной целесообразности и действительной неизбежности. Ведь у прокурора, формулировавшего обвинение против интеллигентов, не было обвинения, построенного не на «гуманных чувствах» Троцкого или неосязаемых предчувствиях сентиментального Г. П. У.

Но если не нашлось прокурора в России то он нашелся, и даже два, за границей, в среде самих высланных.

Первый из них — коллективный. именуется газетой «Дни» и возглавляется властолюбивой госпожой Кусковой¹².

Второй — интеллигентская одиночка, но очень типичная — господин Питирим Сорокин¹³.

Газета «Дни» орган ответственной группы изгнанников. она говорит от их лица, выражает их мысли. Гессен утверждает даже, что изгнанники не только персоны, а представители всей русской интеллигенции. Оставим это утверждение на его совести и не будем лишней раз подставлять под удары людей, не уполномочивавших г. Гессена говорить за них: пример такой медвежьей услуги мы видели уже на «помощи», оказанной Гессеном и «рулевыми» компомголу¹⁴ Кусковой и Прокоповича¹⁵.

Газета «Дни»¹⁶ желает стать боевым органом эмиграции, а эмиграция против этого не протестует. «Дни» призывает к объединению сил, к пробуждению «воли к власти», к борьбе с Советской Россией. Они выступают совершенно открыто, отнюдь не скрывая своих намерений какими-нибудь лохмотьями идеологии. «Дни» стали в боевую позицию немедленно со дня их возникновения, когда их редакторы

еще не успели сносить башмаков, так недавно ступавших, по питерским и московским панелям. *Дух «Дней» зародился не здесь, он в совершенно готовом виде вывезен из России.* Из уважения верим, что и там он был таким же не хамелеонничал и проявлял себя в меру возможностей.

«Потенциальные возможности» и притом большой концентрации, значит, были.

У советской власти, значит, была реальные поводы с ними бороться, ибо какая же власть, кроме жаждущей самоубийства. может допустить, чтобы против нее велась подобная ниспровергательная работа. Никакая демократия, никакая свобода печати, не может выдержать подобного испытания.

Г[осподин] Питирим Сорокин, хотя он и ближайший сотрудник «Дней», должен быть и учен особо, он настолько своеобразен, что имеет на это право¹⁷.

Да помилуйте, ведь это самый что ни на есть лояльнейший гражданин! Ведь это он, в самом начале революции, громогласно, из-за тюремной решетки, отрясал с себя всякую прикосновенность к политике и заявлял о желании, углубившись в область пауки, политики впредь не касаться, потому что — он перестал в той что бы то ни было понимать. Этот первый раскаявшийся интеллигент произвел немалый шум на советской улица, посеял немалый соблазн, был разрекламирован, как пример, тогда еще легко, по новизне дела, восторгавшейся советской прессой.

Почти четыре года держал раскаивающийся и ничего в политике не понимающий Сорокин, добровольно принятый обет молчания.

И вот он за границей, и его прорвало. Оказывается, он все же понимает в политике достаточно, чтобы поучать других. Кажется, сейчас во всей Европе нет человека говорливее и развязнее Питирима Сорокина.

Что же говорит о России раскаявшийся Питирим Сорокин?

Послушать его, так Россия просто помойная яма, смрадное место, гноище на лице земли. Сам маэстро политической ругани и клеветы, Владимир Бурцев, может поучиться ругательскому пафосу у Сорокина. Если «Дни» и Кускова пока что намечают пути политического ниспровержения советизма, то Сорокину этого мало. Он считает необходимым начисто смахнуть всю революцию со всеми ее последствиями и с истреблением под корень всей русской молодежи, на два поколения вперед. По его словам. России будет гноищем до тех пор, пока как ихтиозавры не вымрут все, увидавшие впервые свет, до окончательной сорокинской чистки поганого места.

Дальше идти некуда. Лояльный гражданин перед нами в натуральную величину. И с такой психологией можно жить в России? И людей с такой психологией можно терпеть в России?

Разумеется, нет.

Нот, пусть они идут откуда угодно, делают, что хотят, но не отравляют своей безумной ненавистью молодую Россию. Ведь она уже и жила пору ненависти и разрушения и всеми мускулами растущего организма тянется к творчеству и труду. Таких интеллигентов, как представленные за границей, ей не надо, тем больше, что в России своих верных, трудящихся самоотверженно, интеллигентов осталось достаточно. Не только свету, что в Кусковых и Сорокиных.

Выступления и деятельность представителей изгнанничества является длящейся обвинительной прокурорской речью против них самих же. Она является лучшим доказательством принципиальной правильности мероприятий, предпринятых советской властью против них, хотя бы и на основании «предчувствий». Потребовалось только несколько дней, чтобы эти предчувствия подтвердились действиями и фактами.

Однако самый способ осуществления изгнания не может не вызывать возражений. Ведь мы убеждены в том, что русская интеллигенция в массе вовсе не состоит из Сорокиных. Что в широкий невод Г. П. У. попадает немало случайных элементов, действительно чуждых отвечающим тенденциям. Что разумнее было бы предоставить дело «отбора» естественному ходу вещей.

Как устраивались «недели дезертиров», в течение которых всем, добровольно вернувшимся, гарантировалось прощение, так же можно бы объявить недели «для дезертиров от революции», в течение которых предоставить всем желающим беспрепятственно, и при условиях благоприятствования, удалиться восвояси, а затем уже как с намернувшихся дезертиров взыскивали полной мерой, так и с оставшихся для враждебной работы можно взыскать полной мерой, и никто не будет в праве обижаться.

Вот тогда-то и обнаружится все тщедушие интеллигентской контрреволюции. «Изойдёт» никак не больше пары сотен душ. мертвых душ. ненужных России в ее новых трудах.

А заграничная деятельность изгнанников — тоже на пользу советской власти. Парадокс? Нет не парадокс, я самая живая правда.

На первых порах кое-кто и соблазнится их шумихой, но присутствуя при явлениях неизбежного развала эмигрантщины, видя ее бессилие, все здоровое от нее отшатнется. Такова ведь судьба всех эмиграций, непреложная как природы. Призрак интеллигентской

контрреволюции заманчив лишь издали, и пока он не воплощен и овеян романтической тайной. Пусть «повоюет» на просторе, и всем станет видно, что знамена её; взяты на прокат от бутафора, личина размалевана под маску благородного негодования, мечи — картонные.

Старики в эмигрантщине, старожилы контрреволюции. имеют право сказать новичкам — и погромче вас были витии — да ничего не сделали.

Миролюбие сильных

Военная история показывает, что лишь те армии были победоносны, которые жили с народом единой слитной жизнью. Однако такое слияние армии и народа, обычно, в чистом виде, можно наблюдать только в разгаре войны и в еще большей степени — революций.

Развитие военной техники потребовало «рассуждающих» солдат. Техника, создав длительные периоды окопной отсидки, потребовала более глубокого прочувствованного понимания задач войны. Все это вместе взятое революционизировало армии всех участников мировой войны и повело к разложению великих армий, более или менее глубокому в отдельных случаях. Первой распалась, разложилась Русская армия.

Это была мощная армия великого народа, вынесшая на своих плечах беспримерную тяжесть многолетней войны, тяготы которой усугублялись бездарностью командования, хищничеством тыла, изменой и предательством людей, в руках которых были судьбы России.

Разложение старой армии спасло Россию. Громадные многомиллионные контингенты людей, доведенных до последних пределов отчаяния, способные в своем отчаянии только «бить в дребезги», абсолютно утратившие способность рассуждать и создавать, представляли для страны и революции грозную опасность. В любую минуту они могли стать, и частью и становились, игрушкой в руках авантюристов, могли стать и становились опасными отрядами своеобразных «вольниц», стоящих на пути каждой попытки организации государственного порядка.

Попытки «спасти армию» были обречены на провал, и лишь задерживали нужное и важное дело. Дело же это заключалось в том, чтобы рассосредоточить старую армию, дать хотя бы краткий отдых всем измученным людям, дать им, очистившись от окопной грязи,